

Інтертекстуальні зв'язки та міфопоетика художніх творів

УДК 821.161.1 – 32 Сологуб. 09

Е. В. Молчанова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Новеллы Ф. Сологуба 1890-х годов: особенности поэтики и циклизации

Молчанова О. В. Новели Ф. Сологуба 1890-х років: особливості поетики та циклізації. У статті аналізується поетика новел Ф. Сологуба «Світло і тіні», «Черв'як», «Баранчик» як репрезентативних для циклу «Земні діти» (1913). Показана важлива концептуальна, структуротвірна та циклотвірна роль у цих новелах мотивів туги, страху, самотності, нудьги, втоми, богопокинутості, відчуженості, сирітства, пилу та ін. Схарактеризовано типи героїв та хронотопу в них. Проаналізована автоінтертекстуальна, символічна та міфопоетична природа розглянутих елементів жанрової структури новел цього циклу.

Ключові слова: новела, цикл, мотиви, автоінтертекст.

Молчанова Е. В. Новеллы Ф. Сологуба 1890-х годов: особенности поэтики и циклизации. В статье анализируется поэтика новелл Ф. Сологуба «Свет и тени», «Червяк», «Баранчик» как репрезентативных для цикла «Земные дети» (1913). Показана важная концептуальная, структурообразующая и циклообразующая роль в этих произведениях мотивов тоски, страха, одиночества, скуки, томления, усталости, богооставленности, сиротства, пыли и др. Охарактеризованы типы героев и хронотопа в них. Проанализирована автоинтертекстуальная, символическая и мифопоэтическая природа рассмотренных элементов жанровой структуры новелл этого цикла.

Ключевые слова: новелла, цикл, мотивы, автоинтертекст.

Molchanova E. V. The short stories by F. Sologub 1890-th years: the features poetics and cyclizations. The article analyzes the poetics of short stories by F. Sologub's «Light and shadow», «Worm», «Ram» as a representative of the series «An Earth children» (1913). The motifs of melancholy, fear, loneliness, boredom, weariness, fatigue, abandonment by God, abandonment, dust and others were shown to play an important conceptual, structurizing and chelating role in these short stories. The types of characters and chronotope are characterized. Autointertextual features are analyzed with mythopoetic structure of short stories genre in this series.

Keywords: short story, cycle, motifs, autointertext.

Процесс «реабилитации» литературы «се-ребряного века», нарастающими темпами происходивший со второй половины 1980-х годов, породил интерес исследователей к творчеству писателя-символиста Ф. Сологуба. Однако в сфере внимания литературоведов оказалась, прежде всего, лирика писателя и принесший ему мировую славу роман-миф «Мелкий бес» (1905). Именно им посвящены статьи и монографии большинства ученых. Наименее исследованными и по сей день остаются малая проза и драматургия писателя. Между тем, уже первые попытки анализа новеллистики Ф. Сологуба позволяют сделать вывод о том, что она занимает важное место в творческом наследии писателя, наряду с лирикой подготавливая появление его символистских романов-мифов.

Опираясь на характеристику поэтики и проблематики лирики и романистики Ф. Сологуба, предложенную С. Н. Бройтманом [1], Вик. Ерофеевым [2], С. П. Ильевым [3], В. А. Келдышем [4], З. Г. Минц [5], а также на результаты нашего анализа его малой прозы 1890-х и 1900-х годов, можно утверждать, что новеллы Сологуба представляют собой неомифологические тексты, в которых важную роль играет устойчивый круг мифопоэтических и символических мотивов, зачастую имеющих интертекстуальную или автоинтертекстуальную природу.

Объектом нашего исследования выступают три ранние новеллы Сологуба: «Свет и тени» (1894), «Червяк» (1896) и «Баранчик» (1898). Эти произведения изначально были помещены в разные сборники – «Тени» (1896) и «Жало смерти» (1904). Но поскольку

составы циклов постоянно изменялись автором, эти новеллы объединились в одном цикле – «Земные дети», – впервые опубликованном в 1913 году. Кроме них, в этот цикл вошли новеллы «К звездам», «Улыбка», «Прятки», «Белая мама», «Земле земное».

Все эти произведения были написаны Сологубом в период с 1894 по 1898 годы. Это новеллы о детях, но не для детей. Персонажами в них действительно являются дети, но символичность всех образов позволяет увидеть в ребенке Человека вообще. Герои сологубовских новелл, как правило, сироты. Хотя зачастую – это сиротство не в прямом его значении: у Сологуба оно носит экзистенциальный характер. Поскольку все люди – дети божьи, то сологубовские дети-сироты – это люди, оставленные Отцом Небесным, т.е. Богом, на самих себя. Автор подчеркивает, что Господь бросил заботу о человеческих жизнях, он безразличен к их судьбам, равнодушен к их несчастьям. А так как человек, по Сологубу, слаб, то долго выносить земные мучения он не может, поэтому и избирает для себя лучший и, по сути, единственно возможный путь – предать себя объятиям ласковой подруги Смерти. Еще одной особенностью сологубовских персонажей-детей является то, что они наделены способностью проникать в суть вещей и, еще не имея никакого жизненного опыта, понимать и воспринимать истину гораздо глубже и осознаннее взрослых людей.

К циклу прилагается эпиграф, имеющий автоинтертекстуальную природу, – стихотворные строки самого Сологуба:

«Земные дети шаловливы,
Но крылья есть, –
О том, как ангелы счастливы,
Доходит весть» [6:360].

Эпиграф выполняет здесь кодирующую функцию, поскольку указывает на проблематику цикла и авторскую концепцию. Кроме того, он играет композиционную роль, аналогичную обрамлению цикла новелл: он относится и ко всему циклу и к каждой отдельной новелле, находясь с ними во взаимосвязи. Прочтение новелл позволяет глубже понять суть эпиграфа, а он, в свою очередь, как и новеллистичный финал каждого произведения цикла, – переосмыслить все повествование.

Анализ репрезентативных для цикла «Земные дети» новелл Сологуба обнаружил, что в этих произведениях доминируют одни и те же мотивы, отражающие пессимистиче-

ское восприятие действительности героями и автором, – мотив *бogoоставленности человека, экзистенциального одиночества, сиротства, тоски и страха перед жизнью, печали, неловкости перед окружающими людьми* и др. Определяющим для понимания концепции Ф. Сологуба является мотив *смерти-избавительницы*, постоянный в лирике и прозе писателя, трактуемый им, как обретение духовной свободы, спасение человека от тягот земной жизни. Причем Сологуб «дарует» смерть только избранным; недостойных он «казнит» жизнью, полной тоски и разочарований. Во всех трех анализируемых новеллах мотив *тоски* тесно связан с мотивом *страха*: оттого, что жить героям на такой несовершенной земле тоскливо, им делается страшно. Они жаждут перемен, но боятся будущего и уже чувствуют на себе отпечаток смерти.

Так, герой новеллы «Свет и тени» – бледный мальчик Володя Ловлев, у которого нет отца, – увлекается складыванием своих рук таким образом, что при отбрасывании их теней на стены получают причудливые фигурки, которые впоследствии заменяют мальчику живых существ. Володя *разочарован действительностью*, от которой *тоскливо и страшно*, а также окружающими его людьми, от общения с которыми мальчик испытывал неловкость. Инобытийный мир теней постепенно завораживает мальчика и приводит его к *безумию* – еще один важный мотив в этой новелле. Мать Володи, Евгения Степановна, пытается спасти мальчика, но оказывается бессильной (т. к. уже нигде нельзя укрыться от теней: «*Везде есть стена!*» [6:377]) и тоже, замороженная магией и прелестью теней, сходит с ума. Сологуб не показывает смерть своих героев, приводя их лишь к «*блаженному безумию*», но читатель понимает, что Володе и его матери больше нет места в мире людей, так как им все опостылело и ничего, кроме игры теней, их уже не интересует.

Главная героиня новеллы «Червяк» – гимназистка Ванда Тамулевич. Сиротство Ванды экзистенциально: на родине девочки живут и мать, и отец, но она все равно одинока: «одна, потерянная в чужом краю, никому она не нужна» [6: 404]. Ванда, живет на квартире у Рубоносовых, сквозь человеческую внешность которых явно проступают демонологические черты (хозяйка изображается как существо с желтыми клыками, которое не разговаривает, а шипит, а ее

муж похож на злого колдуна). Случайно, как ей кажется, девочка разбила любимую чашку хозяина. За это Рубоносов пригрозил, что в Ванду заползет ночью червяк и будет медленно выгрызать внутренности. Эта шутка так понравилась Рубоносову, что он стал повторять ее каждый день, наслаждаясь тем, как пугается доверчивая Ванда. Со временем девочка убедила себя в том, что действительно чувствует, как червяк сосет у нее под ложечкой. Но послание так и не дойдет до адресата, поскольку у гимназистки нет денег на марку. Здесь можно уловить интертекстуальные связи «Червяка» с чеховской новеллой «Ванька» (1884). Сравнение этих новелл обнаруживает не только их сходство, но и отличие: в произведении Сологуба отчетливее проявляется роль неомифологического подтекста.

Важным образом-символом в «Червяке» выступает чашка. Она является «сниженным» вариантом образа Чаши жизни, характерного для творчества символистов. Разбив ее, девочка облекает себя на погибель (в конце повествования мы узнаем, что Ванда постепенно умирает от чахотки). Сопоставление с предыдущей новеллой обнаруживает, что, каким бы ни был герой произведения – бледный, болезненный мальчик Володя или же смуглая, пышущая здоровьем девочка Ванда, – их ожидает одинаковый исход. В новелле «Червяк» также представлены два противоположных мира: злой мир, в котором царит «нежить» и испытывает мучения Ванда, и светлый мир ее мечты (в своих мечтах и снах Ванда переносится на родину, в леса, где чистый воздух и прекрасная природа). При этом, как и в предыдущей новелле, «теневой» мир побеждает.

Ванда воплощает тип природного человека: ей было тесно и душно в маленькой комнате, спертый воздух мешал засыпать, на нее давили стены городской *квартиры-клетки*. Через несколько лет этот образ станет автоинтертекстуальным мотивом в сологубовском стихотворении «Мы пленные звери...» (1905). Сологуб полагал, что «*только дети природы обладают истинной жизнью, тогда как взрослые (или старики) вырождаются в "искусственных людей"*» [7:303].

Как показало исследование, при отсутствии развития внешних событий (происходит просто постепенное угасание жизни девочки), в «Червяке» динамику эпическому сюжету задает хронотоп (некоторые главы на-

чинаются с указания времени действия, например: «Было поздно...» (V), «Сидя в классе...» (X), «Ночью...» (XII) и т. п.), а лирического – мотивы *тоски, страха, одиночества* и др. Такая же особенность наблюдается во всех произведениях цикла. Судя по всему, это обусловливается спецификой жанровой разновидности новеллы, созданной Сологубом, – лирико-эпической новеллы с психологическим и неомифологическим подтекстом. Особенностью такой новеллы является то, что в ней динамика коллизий лирического сюжета, развивающегося в подтексте, возникает благодаря мотивам *страха, тоски, одиночества, неприязни* и т. п.

Из всех произведений цикла «Земные дети» новелла «Баранчик» имеет наименьший объем, всего 2,5 страницы. Однако это не мешает ей не только воплотить охарактеризованное художественное мировидение Сологуба, но и дополнить его новыми смыслами.

Современники Сологуба подвергли «Баранчика» бурной критике, обвиняя автора в жестокости и садизме. Однако не всем было известно, что сюжет этого произведения не придуман Сологубом, а выстроен на основе реальных событий. Фабула повествует о том, как пятилетняя Аниска и трехлетний Сенька, подсмотрев, как отец зарезает барана, решили тоже поиграть «в баранчика». Для детей эта забава закончилась трагично – смертью Сеньки, который играл роль баранчика, а затем и Аниски, которая от страха залезла в печку и задохнулась там от дыма, когда печь растопили. В этой новелле представлена третья вариация мотива богооставленности. Родители у детей есть, причем находятся совсем близко. Но малыши все же гибнут, поскольку мать и отец были всецело поглощены приготовлениями к празднику пророка Ильи и не уследили за малолетними детьми.

По Сологубу, природа людей эгоистична, – им нет до самых близких. Поэтому чудесное превращение, возрождение человечности в героях невозможно даже в сакральном хронотопе одного из значительных христианских праздников. Но с другой стороны, именно сакральность хронотопа позволяет выявить многозначность истолкования трагического жизненного события. Сологуб отправляет души этих погибших детей на небеса, где Господь прощает Аниске братоубийство и оба ребенка попадают в рай. Так смерть в очередной раз спасает сологубовских детей от «дебелой бабищи жизни».

Таким образом, новелла «Баранчик» концептуально и мотивно связана с остальными новеллами цикла. Специфика же этой новеллы заключается в большей степени эксплицированности неомифологии, поскольку одним из героев новеллы является сам Господь, а сюжет развивается в сакральном хронотопе. Однако библейские мотивы в неомифологической новелле Сологуба все же не позволяют дать однозначную трактовку произошедшим событиям, поэтому поле для интерпретации оказывается очень велико.

Исследование специфики поэтики и циклизации ранних новелл Сологуба 1890-х годов позволило выявить ряд следующих особенностей. Важнейшие концептуальные и структурообразующие функции в них выполняют, прежде всего, автоинтертекстуальные симво-

лические и мифопоэтические мотивы, которые пришли из лирики Сологуба и расширили в новеллах свои значения. Кроме того, они выполняют и циклообразующую функцию. Объединяет новеллы цикла «Земные дети» и тип героя – ребенок-сирота. Все это, а также схожие особенности хронотопа и концептуальное тождество произведений позволяло Сологубу свободно перемещать свои новеллы из одного цикла в другой без потери логического порядка и цельности сборника. Исследование его новелл свидетельствует также о том, что Федор Сологуб был писателем «позиции», а не «пути»: он пришел в литературу уже с определенным набором сформировавшихся тем и мотивов. Его мировоззрение и художественный потенциал постоянно раскрывались, а не менялись на протяжении всего творчества.

Литература

1. Бройтман С. Н. Федор Сологуб / С. Н. Бройтман // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов) : в 2 кн. Кн. 1 / РАН; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : Наследие, 2001. — 958, [2] с. — С. 882–933.
2. Ерофеев Вик. На грани разрыва: «Мелкий бес» Ф. Сологуба на фоне русской реалистической традиции / Виктор Ерофеев // Вопр. лит. — 1985. — № 2. — С. 140–158.
3. Ильев С. П. Русский символистский роман. Аспекты поэтики / С. П. Ильев. — К. : Лыбидь, 1991. — 172 с.
4. Келдыш В. А. На рубеже художественных эпох (О русской литературе конца XIX — начала XX века) / В. А. Келдыш // Вопр. лит. — 1993. — Вып. II. — С. 92–105.
5. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Минц // Учен. зап. Тартуск. ун-та // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века : Блоковский сб. III. — Тарту, 1979.
6. Сологуб Ф. Земные дети / Сологуб Ф. // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Тяжелые сны : Роман. Рассказы / Федор Сологуб ; [сост., примеч. Т. Ф. Прокопова ; вст. ст. С. Л. Соложенкиной]. — М. : НПК «Интелвак», 2000. — 664, [1] с. — С. 359–497.
7. Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве ; [пер. с нем. С. Бромерло, А. Ц. Масевича и А. Е. Барзаха; науч. ред. А. В. Лавров]. — СПб. : Академический проект, 1999. — 512 с. — (Серия «Современная западная русистика» ; т. 20).